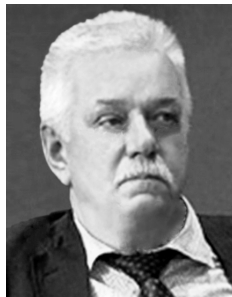

КУЛЬТУРНО-ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАПЕРСПЕКТИВА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И КОНСТРУКТИВИСТСКОГО МНОГООБРАЗИЯ

В. А. Янчук

*Академия последипломного
образования,
Минск, Беларусь,
e-mail: yanchuk1954@gmail.com*

Рассматривается проблема нахождения теоретико-эмпирических оснований интеграции психологического знания в контексте культурно-диалогической интердетерминистской метатеории. Обосновывается идея четырехмерности континуумов психологической феноменологии, системообразующим универсальным основанием которых является культура в аспекте конструирования психологической реальности. Разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание представляется в форме трех четырехмерных континуумов. В соответствии с введенным принципом культурно-диалогического интердетерминизма обосновывается интердетерминистский характер взаимодействия составляющих их структурных элементов. Приводятся теоретические и эмпирические обоснования инновационности подхода.

Ключевые слова: гетерогенная система, диалогическая интердетерминация, интеграция, культурно-научная традиция, культурный конструктивизм, метатеория, методология, принцип диалогического интердетерминизма, культурно-диалогический интердетерминистский подход, четырехмерные континуумы психологической феноменологии.

DOI: 10.7868/S1819265318010089

Для цитаты: Янчук В. А. (2018). Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 124–154.

Оценивая современное состояние психологической науки в рамках специально организованного на страницах журнала «Perspectives on Psychological Science» симпозиума с участием ведущих представителей академической психологической науки, один из авторитетнейших психологов современности Роберт Стернберг использует метафору альпиниста, совершающего восхождение на горную вершину в условиях полнейшей темноты

(Sternberg, 2017, p. 649). А. Г. Асмолов, используя метафоры развития психологии в «ствол» (А. Н. Леонтьев) и в «куст» (Б. Ф. Ломов), говорит о кризисе психологий и возрастании риска потери профессиональной идентичности, «когда психологи в буквальном смысле потеряют свое “Я”, утратят свое понимание как представителя психологической науки и утратят навигацию, куда им двигаться в сегодняшней реальности и в сегодняшнем

мире» (Асмолов, 2012). Осознавая всю серьезность проблемы он предложил амбициозный проект «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» (Асмолов, 2017). Авторский вклад в этот проект представляет предлагаемая вниманию заинтересованных читателей культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологического знания.

Введение в проблему нахождения методологических оснований интеграции психологического знания. Анализируя проблематику теоретико-эмпирических оснований интеграции психологического знания, нельзя не подчеркнуть ее обусловленность состоянием психологической науки в целом, сформировавшемся к началу третьего тысячелетия. В утихающих в последние годы обсуждениях проблемы воспроизводимости результатов психологических исследований, ограниченности возможностей наличного психологического знания дать внятные объяснения межкультурному многообразию и не утихающим в нем конфликтам и т.п. обнаруживаются выраженные противоречия между универсалистскими психологическими представлениями и многообразием проявлений психологической феноменологии, принципиально не желающим вписываться в устанавливаемые стандарты. Говоря о психологическом знании в целом, можно вполне отчетливо артикулировать его нахождение в статусе вечного странника, так и не нашедшего свою путеводную звезду.

Ретроспективный взгляд на историю психологии находит многочисленные свидетельства постоянного переосмысления как предмета психологии, так и ее предназначения. Косвенным свидетельством чего является артикуляция уже третьей по счету (после бихевиористской и когнитивной) революции — на этот раз культурно-диалогической, а также перманентными кризисами, перерастающими

ми, по меткому определению А. В. Юревича в «схизисы» (Юревич, 1999). В своем анализе кризисов в психологии в выступлении на V съезде РПО А. Г. Асмолов говорит о кризисе не психологии, а разных психологий и, прежде всего, кризисах научных школ, задающих образцы культуры, стили мышления. «При кризисе научных школ, будь то школа психоанализа, школа культурно-исторической психологии, школа когнитивной психологии, мы сталкиваемся с тем, что, если не рефлексируем кризисы этих школ, мы начинаем уходить в практицизм и мелкотемье, и возникает эффект Вавилонской башни» (Асмолов, 2012, с. 9).

Появляется все больше оснований для крушения нереалистических надежд на нахождение исчерпывающего универсального основания, позволяющего психологии освободиться от комплекса ненаучности в ее строгом академическом понимании. Своеобразный «удар в спину» был нанесен публикацией в авторитетнейшем журнале *Science* в августе 2015 г. результатов масштабного изучения воспроизводимости 100 экспериментальных и корреляционных исследований, опубликованных в трех известных психологических журналах. Экспертная оценка, проведенная группой из 270 исследователей, показала, что лишь 39% из них могут трактоваться как относительно однозначные, да и то с существенными оговорками. В качестве подслащивающей пилюли делается косвенный вывод об удовлетворенности проверяющими процессом, но отнюдь не результатами (Bohannon, 2015, p. 910).

Для понимания всей значимости такого экспертного заключения для современной эмпирико-экспериментальной психологии, доминирующей в большинстве зарубежных да и отечественных научных психологических журналов, следует пояснить, что в их основе лежит классическая позитивистская методология,

постулирующая принципы операционализации и верификации как фундаментальные основания объективности научного знания. В первом случае речь идет об измеряемости и количественной выражаемости результатов исследования как основании объективности (однозначности) научного знания. А во втором — его воспроизводимости (повторяемости) в пространственно-временном континууме. И если актуализация одного из них в исследовании подвергается сомнению (в обсуждаемом контексте — принцип верификации или воспроизводимости результатов исследований), то и результаты оцениваются как необъективные, т.е. не научные.

Столь болезненное обвинение не могло не вызвать реакции со стороны психологического сообщества. Одной из первых это сделала главный редактор журнала «*Perspectives on Psychological Science*», издаваемого Ассоциацией психологической науки, Barbara Spellman, охарактеризовавшая сложившуюся ситуацию не иначе как Революция 2.0 (Spellman, 2015, p. 886). Определяя специфику этой революции, она отмечает, что это не научная революция, требующая радикальных перемен фундаментальных оснований, которых в истории науки было немало, а революция, подобная политической. В качестве ее предпосылок перечисляются: многочисленные неудачи в попытках повторения результатов исследований (низкая верифицируемость); многочисленные вопросы в отношении исследовательской практики (повторение общеизвестного, предоставление не всех переменных и т.п.); стандартная статистика (возрастающая неудовлетворенность в проверке значимости нулевой гипотезы); проблемы с открытостью исследовательских данных (невозможность получения данных для последующей перепроверки и мета-анализа); мошенничество (случай с Diederik Stapel, у которого обнаружены подтасов-

ки данных во всех его 50 научных публикациях) и др. (Spellman, 2015, p. 887).

Следует отметить, что подобные обвинения предъявлены не только к психологам, но и к представителям других областей знания. Критические высказывания в отношении используемых методов исследования высказаны в отношении нейронаук, биомедицинских и политических наук и социальных наук в целом. В частности, в 2013 году директорат американского Национального научного фонда по социальным, поведенческим и экономическим наукам образовал подкомитет по Воспроизводимости (Replicability) в науке. В качестве решения данной проблемы предлагается создание открытой науки и строгих правил: воспроизводимости исследований; открытых данных; гарантии необходимого объема и репрезентативности выборки; использования X, Y и W статистики; предварительная регистрация; определение типа воспроизводимости. Завершая свой патетический «крик души», B. Spellman в качестве наиболее важного выделяет понимание того, как «работает мышление и как применять имеющееся у нас знание к реальному миру: вполне вероятно, что некоторые тонкие и трудно воспроизводимые феномены могут помочь нам понять первое; повторение исследований и поиск модераторов и посредников эффектов могут помочь нам разобраться со вторым. Мы должны ценить как данные, так и теоретические обобщения. Мы должны ценить как подтверждения, так и сами исследования. Мы должны понять, что мы изучили ряд наиболее доступных продуктов и что мы можем исследовать новые уровни сложности посредством новых методов сбора данных (включая визуализацию мозговой активности посредством разнообразных приборов) и анализа» (Spellman, 2015, p. 894). Последнее является особенно важным, т.к. любое увлечение совершенствованием методов и технологий

может увести от главного — реально-го, социального, «живого», чувствующе-го и переживающего социального мира, населенного реальными людьми, живущими в мире реальных психологических проблем и ждущих от психологии отнюдь не корреляций и факторов, а конкретных объяснений и рекомендаций, закономерности которого отнюдь не просто вписать в препарирующую схему науки, изучающей мир «не живой», а тем более не социальный, чувственный.

Даная проблема нашла свое выражение в целой серии акцентированных публикаций, в которых авторы предлагают различного рода решения (Earp, Trafimow, 2015; Patil, Peng, Leek, 2016; Sripada, Kessler, Jonides, 2016). Этот перечень можно продолжать и продолжать, констатируя в них главное — уход от обсуждения основополагающей проблемы — качественно-го отличия психологической феноменологии от естественно-научной, очевидной хотя бы уже в ее недоступности непосредственному измерению даже с учетом все усложняющихся технических возможностей исследования, в том числе и активности головного мозга. Измеряется не сама психика, а ее опосредованные проявления. И реакция на стимул опосредована внутренней активностью субъекта, что, собственно, и привело к кризису бихевиоризма, последовательно пытавшегося установить законы поведения в обход «черного ящика» человеческого сознания, не подлежащего измерению как гаранту объективности или универсальности законов поведения. Это же характерно и для когнитивной психологии, с определенными новациями пытающуюся продолжить естественно-научную традицию в психологических исследованиях в поиске уже ментальных репрезентаций (Shotter, 2001).

В обсуждаемом контексте следует напомнить о недавно отмечавшемся 120-летнем юбилее Л. С. Выготского, совершившего культурно-исторический

переворот в психологии, нашедший свое выражение в «открытии черного ящика» психической активности посредством научного доказательства знаковой опосредованности психической активности. Л. С. Выготский убедительно показал, что человек, во-первых, реагирует не на стимул как таковой, а на знак стимула, и, во-вторых, он реагирует даже не на объективный знак, а на его значение, которое, в свою очередь, определяется меняющимся во времени историко-культурным контекстом (Янчук, 2016b; Cole, 2010).

Поиск дополнительных оснований реанимации тупиковой в принципе для психологического знания аристотелевской атомистической логики, направленной на нахождение конечных и исчерпывающих знаний, безуспешен по своей сути, так как знание становится конечным и не вписываемым в бесконечность развития. Это наглядно представлено в критике модернизма представителями постмодернистской философской мысли, с детализированными подробностями которой в контексте психологического знания можно познакомиться в акцентированной авторской публикации (Янчук, 2003). Во избежание возможного обвинения в авторской тенденциозности приведу цитату авторитетного исследователя, продуктивно работающего в обсуждаемой проблемной области и хорошо знающего как западную, так и советскую психологию, А. Тоомела: «За последние 60 лет в психологических исследованиях были получены тысячи, если не миллионы, статистически установленных связей различных переменных друг с другом. В то же время многие фундаментальные вопросы даже не ставились из-за ограниченного методологического мышления. Мы продолжаем находить “объективные” показатели, не зная сколько различных психологических механизмов может лежать в основании одних и тех же показателей. Мы не знаем, как психологические

аспекты экспериментальных условий могут влиять на изучаемые результаты. Изучение фрагментов мало что дает для понимания человеческой личности как целого» (Toomela, 2007, p. 18).

Нереалистический оптимизм в отношении того, что когда-то и кем-то из миллионов эмпирически установленных фрагментов описания психологической реальности само собой сформируется целостное понимание природы психологической феноменологии, приводит к противоположному результату — утопанию психологии в частности, и чем дальше, тем больше. Ставший популярным в последнее время мета-анализ проблемы не решает, т.к. исходно направлен на анализ знания в рамках опять-таки фрагментов, пусть и полученных разными исследователями. Вполне обоснованно возникает ряд вопросов в отношении того, кто будет интегрировать эти фрагменты и на каких метаоснованиях? Ответов на эти вопросы не дается. Вполне очевидно, что обсуждаемый кризис неизбежен, но предлагаемые выходы из него за счет совершенствования техники и технологии, открытости процедуры и баз данных, надежда на возможности мета-анализа проблемы не решат в принципе. И уйти от принципиальных ответов на принципиальные вопросы о качественной специфике психологического знания и его предмета в обозримой перспективе не удастся.

Концептуальная непоследовательность существующего психологического знания в области методолого-теоретических оснований очевидна. Сошлюсь на авторитетное мнение G. R. Henriques, который так характеризует современное состояние психологии: (1) отсутствуют согласованные определения; (2) отсутствует согласованное определение предмета; (3) присутствует ускоряющееся взаимоперекрывание и избыточность понятий; (4) имеется много парадигм, основывающихся на фундаментально отличаю-

щихся эпистемологических основаниях и (5) продолжается все большая специализация, наносящая ущерб обобщениям, приводя к еще большей фрагментаризации (Henriques, 2008, p. 736).

Создается впечатление, что психология как наука боится комплексной реальности человеческой жизни и старается избежать риска выглядеть не-наукой. По мнению одного из авторитетнейших представителей культуральной психологии Я. Вальсинера, «Психология борется с собственной идентичностью. Она пытается строго жить по стандартам науки — взятым из других наук — и сопротивляется эфемерной природе собственной феноменологии. Наше реальное психологическое существование наполнено чувствами, мыслями и действиями такими, как мы есть — здесь и сейчас. Эти феномены скоротечны — быстро возникают и исчезают — многоуровневы (включая метауровневую рефлексии) и коллективны (индивиды — будучи людьми или представителями биологического вида — вотканы в широкие социальные сети). Более того, психологические феномены, имеющие место здесь-и-сейчас (действия, чувства, мысли), направляются их историей (посредством памяти) и антиципациями будущего (постановка целей и действия в направлении будущих целей)» (Valsiner, 2009, p. 2).

С целью более фундаментального определения перспектив развития психологического знания мною был предпринят анализ эволюции мировоззрения общества на протяжении истории человечества. Значимость мировоззрения для «определения в условиях неопределенности» аргументируется также Д. А. Леонтьевым и А. Н. Моспан, утверждающими, что «потребность людей в определенности картины мира очень сильна и, по-видимому, сильнее, чем потребность в адекватном контакте с реальностью» (Леонтьев, Моспан, 2017, с. 18).

Анализ эволюции мировоззрения, включающий аспекты изменений в области науки, техники и культуры, в контексте мировоззренческих изменений в психологическом знании, был осуществлен при посредстве специально разработанного теоретического конструкта «культурно-научная традиция», определяемого как многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений... характеристика определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире. Применение данного конструкта позволило проследить динамику мировоззренческих оснований различных традиций (культурный синкретизм, теоцентризм, антропоцентризм, модернизм, постмодернизм), дополнив их традицией

диалогизма, нашедшей свое высшее воплощение в диалоге как условия, механизме и движителе культуры и науки в условиях многообразия (Янчук, 2005, с. 34–35). Общее представление об эволюции культурно-научных традиций изображено на рис. 1.

На примере изменений, происходивших на протяжении истории человечества, показано поступательное движение от фрагментарного, фетишизируемого мировоззрения, обусловленного крайним дефицитом знаний о природе и сущности наблюдаемого, приводящего к одушевлению и обожествлению объектов окружающего мира (гилозоизм) к более системному, человекоцентрированному знанию, первоначально ориентированному на нахождение универсальных (объективных) законов мироустройства, а затем, столкнувшись с проблемой потенциальной исчерпаемости инновационного и эвристического ресурсов любого знания, основанного на неизменном универсальном основании, приходящего

Рис. 1. Эволюция культурно-научных традиций

к идее необходимости и продуктивности его многообразия, многоголосости в его постижении, мультипарадигмальности и поливариантности.

Из приведенной схемы вполне очевидно, что основные дебаты в отношении направления развития психологического познания носят эпистемологический характер и сводятся к конкуренции двух направлений: аристотелевского атомизма, ориентированного на нахождение первоатомов психического в виде универсальных закономерностей функционирования поведения, или психики и галилеевского холизма, признающего бесконечность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов психического функционирования. Первый безуспешен в нахождении первоатомов, из которых можно построить целостное здание понимания психического, второй — в невозможности объятия необъятного бесконечности психологической феноменологии.

В глубинно философском понимании сегодня вполне обоснованно можно говорить об очевидном противостоянии детерминизма и индетерминизма как его антитезы. При этом следует подчеркнуть очевидное преимущество первого над вторым в позитивистски ориентированных эмпирических исследованиях. Простой анализ публикаций, представленных в психологических журналах, показывает очевидное доминирование эмпирических исследований самых разнообразных аспектов психологической феноменологии в целом и психологии развития, в частности. Относительное отрезвление произошло лишь недавно в связи с уже обсуждавшейся выше так называемой проблемой воспроизводимости результатов психологических исследований (replication problem) (Schmidt, Oh, 2016). По существу, проблема обеспечения воспроизводимости результатов психологических исследований не решаема в прин-

ципе в силу специфики предмета, которую сами психологи стараются всячески обходить. S. Lilienfeld перечисляет целый ряд возможных негативных последствий этого кризиса для психологической науки: «(a) искушение в участии в сомнительных исследовательских практиках, (b) односторонне программируемые исследования, (c) интеллектуальная гиперспециализация, (d) препятствование воспроизведению (репликации) результатов, (e) избегание творчества и интеллектуального риска, (f) исследователи обещают больше, чем могут реально дать, и (g) сокращение времени для глубокого осмысления» (Lilienfeld, 2017, p. 662–663).

В качестве альтернативы детерминизму выступает индетерминизм, акцентирующий внимание на свободе воли и свободе выбора как не детерминированных предшествующими причинами, что не все события имеют причинные основания. Фундаментальный анализ роли индетерминизма в психологическом и поведенческом развитии представлен в работе «Динамика и индетерминизм в науках о развитии и поведении» (Fogel, Lyra, Valsiner, 1997). В данной работе индетерминистский подход представляется в историческом, философском и теоретическом аспектах в контексте концепции динамических систем, ставшей в последующем предметом такого же фундаментального анализа в ракурсе методологии динамических процессов в социальных науках и науках о развитии (Valsiner, Molenaar, Lyra, Chaudhary, 2009).

По всей видимости, решение традиционно находится по середине. В обсуждаемом контексте крайне уместна аргументация одного из ведущих специалистов в проблемной области P. van Geert, акцентирующего внимание на следующем: «детерминистский универсум мертв, т.к. у него крайне редуцируемая степень свободы: все предопределено и невозможно создание какой-либо новой

информации, т.к. она уже содержится в своем исходном состоянии (вне зависимости от того, что бы это ни было). Индетерминистский универсум безжизненен, т.к. он содержит бесконечное число степеней свободы. Никакая информация не может быть сотворена, т.к. каждая имеет одинаковую вероятность. Тем не менее, когда эти два принципа встречаются, информация и упорядоченность создаются в форме высоко редуцируемой степени свободы, в которой различия между событиями становятся значимыми и информативными. Новое понятие упорядоченности выводится из самоорганизации. Для появления комплексного упорядочивания нужны и детерминизм, и индетерминизм» (van Geert, 1997, p. 21)!

Позиционирование в гетерогенно-многочисленно-мультипарадигмальном пространстве психологического знания. Авторская попытка решения комплексной задачи интеграции психологического знания, накопленного в существующем многообразии парадигмальных координат, направлений традиций и подходов, представлена в рамках социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания (Янчук, 2014; 2015а; 2016б; 2017б и др.).

Обращение к формату метатеории обусловлено требованиями, предъявляемыми к ее построению. Чем должен заниматься метатеоретик? По J. H. Turner, он должен: «(1) оценивать четкость и адекватность понятий, предположений и моделей; (2) находить сходства, пересечения и различия в теориях; (3) соотносить существующие эмпирические данные (включая исторические) для оценки обоснованности теорий; (4) отличать наиболее существенное в теории от менее существенного; (5) синтезировать теории или определять позицию по отношению к ним; (6) переопределять теорию в соответствии с эмпирическими и концептуальными основаниями; (7) формализовать теорию, делая ее максимально

строгой; (8) находить наиболее подходящий язык описания существа теории; (9) уметь дедуцировать теорию к нахождению возможности эмпирической проверки» (Turner, 1990, p. 40).

Каковы критерии оценки метатеории? По M. G. Edwards, к ним относятся следующие. *Концептуальная интеграция.* Метатеория должна представлять интеграцию методологического и эпистемологического плюрализма в исследовательской области. *Онтологический охват.* Метатеория должна обладать способностью предоставлять интегративные возможности, которые могут эксплицировать и определять место различных онтологических элементов различных эпистемологий и методологий. *Онтологическая глубина.* Метатеория должна демонстрировать, как различные онтологические модели коррелируют с онтологической комплексностью, и интегрировать их в логически последовательный подход. *Эмпирическая валидность.* Метатеория должна обладать способностью предоставлять исчерпывающие и последовательные объяснения феноменов, связанных с исследовательской областью. *Внутреннее соответствие.* Все положения и концепты, представленные в метатеории, должны находиться в полном соответствии друг с другом (Edwards, 2010).

В постмодернистской традиции при оценке метатеории используется подход обоснованности на очевидности, предполагающий «проверку предположений в соответствии с их способностью объяснять данные конкретной области» (Edwards, 2010, с. 67). Особым статусом обладает интегральное метатеоретизирование, характеризующееся своей масштабностью, открытостью многообразию научных теорий и социокультурного знания во всех частях мира и использованием других подходов как метатеоретических ресурсов (Wallis, 2010, с. 74). Иссле-

дование становится интегративным, если оно: i) осознанно и эксплицитно восприимчиво к контекстам, проявляющимся в различных дисциплинах, ii) адаптирует методы и принципы системности; iii) использует в качестве концептуального ресурса другие интегративные подходы; iv) характеризуется целями включенности и эмансипации (там же, р. 185).

Именно этот тип интегрального метатеоретизирования наиболее полно соответствует авторскому замыслу интеграции психологического знания, представленного в рамках многообразия областей и систем парадигмальных координат, основывающихся на качественно отличных онтолого-эпистемологических основаниях. В его рамках воплощается авторский замысел, заключающийся 1) в нахождении решения проблемных вопросов, связанных с тем, что поведение обусловлено не только психической активностью, но и биологической природой, благодаря которой она и материализуется; 2) в выяснении специфики и механизмов взаимодействия символически репрезентированной культуры с биологической субстанцией, посредником которого выступает психическая активность; 3) в осознании той роли, которую играют неосознаваемые психические процессы или бессознательное; 4) в понимании того, что человек не только отражает внешнюю действительность, но и переживает ее, будучи вотканым в-бытие-в-мире, и что переживание экзистенциального одиночества или отверженности социальным окружением сказывается на культурной интеграции и социальной адаптации; 5) в понимании, что личность не существует в своем психическом, а «выходит» за его пределы в реальный социальный и природный мир и что эти «выходы» приводят к осознанию своей неприспособленности или неадекватности; 6) в понимании, что изменившиеся обстоятельства (социальные и природные) могут существенно

трансформировать и внутренние психические процессы, да и саму биологию человека; 7) в понимании, что адаптация к изменившемуся внешнему окружению не должна происходить стихийно, а управляться осознанием в том числе и психологических закономерностей; 8) в выяснении того, почему психологическое знание далеко не всегда успевает за изменениями, происходящими в жизни общества, а эмпирически установленные факты далеко не всегда соотносятся с реалиями человеческого бытия. Эти вопросы можно продолжать и продолжать до бесконечности. Некоторые ответы на них будут представлены с позиций предлагаемой метатеории.

Наиболее сложной задачей является нахождение оснований упорядочивания бесконечности знания в области психологической феноменологии, связанной с бытием человека в условиях социального окружения. Во-первых, это бытие многогранно. Во-вторых, оно актуализируется в сложном взаимодействии биологического, психического и социального. И чисто психологическую составляющую вне контекста биологического субстрата можно вычленять лишь в абстракции. В-четвертых, сама социальная природа многогранна в контексте ее представленности в контексте мультикультуральности, вносящей аспект наличия выраженных культурных различий, игнорировать которые невозможно ни в области психологии, ни в областях социологии и биологии. Причем, в связи с резким возрастанием миграционных процессов их наличие становится все более очевидным, а процессы культурной интеграции никак не хотят вписываться в классические представления и поддаваться простым решениям, основанным на универсальных основаниях. В-пятых, необходимо ответить на вопрос, на чем конкретно или предметно основываться при попытке инвентаризации бесконечности и многообразия психологического знания.

Понимание психологического многообразия в бесконечности его проявлений требует упорядочивания накопленного знания с учетом различных систем парадигмальных координат, традиций и подходов, позволяющих в диалоге друг с другом находить дополнительные основания для взаимообогащения, в свою очередь, способствующего углублению понимания ее качественной специфичности (Янчук, 2012). Для решения этой сложнейшей задачи предложено три четырехмерных пространства, выделенных на основании критериев разнокачественности природ, сфер психического и областей его изучения. Однако данные пространства существуют не как автономные, самодостаточные сущности, а как взаимодополняющие и взаиморасширяющие возможности и глубину постижения природы представляемых феноменов. Так как вместе взятые они описывают именно психологическую специфику человека в его био-психо-социальной сущности в сферах осознаваемого-бессознательного-экзистенциального, изучаемых в аспектах личности, окружения и активности, крайне важным является нахождение общего основания, интенционально присутствующего в каждом из представленных компонентов обсуждаемой триады и обуславливающего их своеобразие в итико-имическом ракурсах.

Общая характеристика существующего многообразия психологического знания может быть представлена в виде ряда трехмерных континуумов. По критерию разнокачественности природ: биологическое—психическое—социальное; по критерию сфер реальности: осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное; по критерию областей изучения: личность—окружение—активность и др., визуально представленных на рис. 2. Отличительной особенностью измерений этих пространств является автономия, проявляющаяся в крайней ограниченности вопросов их взаимодействия друг с другом.

Представленные континуумы позволяют включить в плоскость анализа достижения, получившего в последнее время широкое признание, в том числе и в биомедицинских науках, био-психо-социального подхода, психоаналитического и экзистенциально-феноменологического подхода, чей вклад в развитие психологического знания очевиден, наконец, традиционные области исследования, артикулированные еще Куртом Левиным в его знаменитой формуле $B = f(P, E)$.

Парадигмальное многообразие представлено еще более широким спектром подходов: бихевиористским и его современным развитием в виде когнитивно-наученческой модификации; интер-

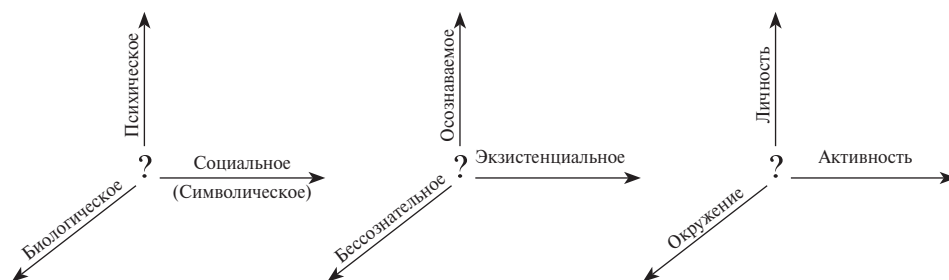

Рис. 2. Трехмерные континуумы репрезентации разнокачественных природ (биологическое—психическое—социальное), сфер отражаемой реальности (осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное) и областей исследований (личность—окружение—активность) психологической феноменологии (Янчук, 2015b)

акционистским; психоаналитическим; когнитивистским; экзистенциально-феноменологическим; деятельностным и др. Следует отметить, что большинство представленных в них идеологических дискурсов было посвящено, по мнению Я. Вальсинера, «социальному позиционированию себя как выразителю наиболее общего знания, противостоящего другим -измам (ментализму, бихевиоризму, когнитивизму, интеракционизму, трансакционизму, социо-культурализму, а иногда и гуманизму) и обладающему правом социально нормативных предписаний в отношении методов, посредством которых “производятся” научные факты. Эти -измы боролись друг с другом за доминирование — попеременно лидируя от “эры бихевиоризма” до “когнитивной революции” и последующих эр» (Valsiner, 2009, с. 4). Время оказалось лучшим лекарем от нереалистического оптимизма их представителей в отношении самой возможности нахождения универсальных исчерпывающих решений в одиночку. Бихевиористы, наиболее последовательные и ортодоксальные строители объективной психологии, не смогли преодолеть противодействия активности всячески игнорируемого ими «черного ящика», постепенно эволюционировав в когнитивно-наученческо-поведенческий подход со значительно меньшим апломбом.

Отенок мистицизма бессознательного не помог занять лидирующие позиции и психоанализу, не удалось этого достичь и всем другим -измам, столкнувшимся с качественной специфичностью человеческой психики, не только реагирующей на внешние стимулы, при определенных обстоятельствах движимой бессознательными импульсами, решающей когнитивные задачи и т.п. Отнюдь не случайно В. Ф. Петренко, оценивая перспективы развития психологической школы Выготского—Леонтьева—Лурии в контексте психосемантики бессознательного,

отмечает в качестве перспективной линии развития психологии «*движение в сторону личностного и коллективного бессознательного*» (Петренко, 2016, с. 65).

Подобная гетерогенность никак не вписывалась в рамки одномерной логики. Методологические основания парадигмального многообразия в виде альтернативных онтолого-эпистемологических дихотомий (объективное—субъективное; детерминизм—индетерминизм; наследственность—изменчивость; познаваемость—непознаваемость; атомизм—холлизм; рационализм—иррационализм; статичность—динамичность; итическое—имическое; номотетическое—идиографическое и др.), как и обоснование невозможности их сведения к единому основанию были представлены в специальном исследовании (Янчук, 2000).

Нечто подобное имело место и в отношении областей исследования, в качестве которых со времен Левина конституировались личность, окружение и поведение (активность). Акцентирование на каждой из них в отдельности заводило психологическое знание во все тот же методологический тупик. Акцентирование на окружении при неучитывании личности и ее активности заводило в тупик. На примере деятельностного подхода то же самое происходило и с приоритетизацией активности и личностной детерминации. На смену Левиновской ненаправленной детерминации, артикулированной в универсальной формуле $B = f(P, E)$, приходит частично двунаправленная детерминация А. Бандуры, выраженная в формуле $B = f(P \rightleftarrows E)$, подчеркивающая взаимозависимый и взаимообуславливающий характер взаимоотношения личности, окружения и активности.

Бесперспективность развития психологии в условиях дезинтегрированной совокупности частных представлений об общем предмете изучения актуализировало стремление к нахождению

потенциально возможных оснований интеграции. Сложность решения этой задачи обусловлена необходимостью преодоления господствующей в классической науке логики или/или, исходно направленной на доказательство преимуществ пропагандируемого решения проблемы за счет концентрации на слабостях альтернатив и собственных преимуществ над ними. Примеров этому предостаточно (Brinkmann, 2011; Hart, 2014; Mazur, Watzlawick, 2016; Proietto, Lombardo, 2015; Valsiner, 2007; Weinstein N., Przybylski, Ryan, 2013).

Более продуктивную альтернативу предлагают интегративные плюралисты, исходящие из констатации многогранной комплексности психической жизни, призывающие, в отличие от редуccionистов, к ограничению жестких эпистемологических, методологических и онтологических требований. Они обосновывают необходимость в использовании различных подходов, основанных на различных теоретических основаниях по отношению к этой комплексности и многомерности (Watanabe, 2010). Как отмечает Р. Неалы, «на эпистемологическом уровне, имеющиеся различия определены различиями между (что было по-разному описано как) перспективами первого и третьего лица, между объяснительным и опытно переживаемым (experiential) подходами, естественно-научной и гуманитарной ориентациями. На методологическом уровне они концентрируются на различиях между количественно / экспериментальным и качественно / описательным подходами, и на онтологическом уровне — различиями “природного” и “человеческого” рода и различиями “метафизики вещей” и “метафизики людей”» (Nealy, 2012, p. 273). Плюралисты придерживаются точки зрения, что привлечение различных измерений нашей жизни, различных перспектив является необходимым условием изучения и понимания нашего комплексного,

многогранного психологического функционирования, психического и переживаемого, нейрофизиологического и поведенческого. Более того, утверждается, что преимущества одного подхода могут компенсировать ограничения других, что различные подходы являются взаимодополняющими (Smythe, McKenzie, 2010). Этот подход является наиболее продуктивным и способствующим интеграции усилий в области постижения чрезвычайно сложной и многообразной психологической феноменологии, что и является основной целью разрабатываемого мною на протяжении ряда последних лет социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода (Янчук, 2014; 2015a; 2016a; 2016c; 2017a), трансформированного в последующем в культурно-диалогическую метаперспективу интеграции психологического знания (Янчук, 2017b).

Методолого-теоретические основания метатеории интеграции психологического знания. Однако существование в условиях отсутствия однозначных универсальных истин, выступающих в качестве фундамента достижения согласия, порождает проблему нахождения общего, взаиморазделяемого, без которого невозможно совместное сосуществование и сотворчество. В качестве такового выступает диалог, предполагающий принятие инаковости и инакомыслия как исходных оснований и совместное созидание знания с учетом существующих сходств и различий, строительство дома, одинаково комфортного для всех живущих в нем. Диалог предполагает плюрализм и толерантность в качестве исходных предпосылок совместного созидания знания с учетом всех возможных его видений и интерпретаций, взаимодополняющих друг друга и взаимообогащающих участников процесса со-конструирования.

G. Henriques, оценивая современное состояние мировоззрения, определяющего человеческую активность и дискурс,

позиционирует его как «фрагментарный плюрализм», характеризующий фило-софское мировоззрение как фундаментально противоречивое и несовместимое и в качестве конструктивной альтернативы предлагает интеграционный плюрализм, в котором различия, определяемые различиями в потребностях, целях и других идиографических факторах, преодолеваются связанностью людей друг с другом и стремлением к формированию общности, достигаемой посредством формирования совместно создаваемого и разделяемого понимания (Henriques, 2008, с. 750). Таким образом, именно в диалоге альтернатив, в том числе и на парадигмальном уровне, появляется уникальная возможность преодоления неизбежной для любого знания, построенного на универсальном, неизменном догматическом основании, ситуации тупика, характеризующейся исчерпываемостью ее эвристического потенциала, яркой иллюстрацией чего являются научные революции.

Для того чтобы диалог состоялся, необходим его предмет. Сложность формулирования такового в отношении психологического знания обусловлена наличием множества альтернатив, представляющих различные подходы, традиции, парадигмальные координаты и эпистемологии, имеющие крайне ограниченную общность. За исключением абстрактного конструкта «психика», оцениваемого как основание схождения, но и одновременно выступающего в качестве предмета дискуссий безальтернативного характера, области взаимосогласия крайне ограничены.

Первым приходящим на ум решением является формулирование определения, в котором есть место всем традициям и подходам с учетом описанных ранее континуумов психологической феноменологии, представляющих разнокачественность природ, сфер психического

и областей изучения. Именно эти основания определяют предмет психологии так: «бытие-в-мире самости как био-психо-социальную социокультурно-интердетерминированную диалогическую сущность во взаимодействии с социальным и природным окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» (Янчук, 2006, с. 204). Категория «бытие-в-мире» акцентирует внимание на экзистенциальном аспекте бытия человека, подчеркивающего «вотканность» человека в свою жизнь, переживание ее. Категория «самость» концентрируется на аспекте взаимосвязи внутреннего и внешнего, проявляющегося во взаимосвязи человека с его внешним окружением, историей и т.п. Трехмерный био-психо-социальный континуум фокусируется на сложности взаимодействия трех разнокачественных природ — биологической, психической и социальной (символической). Социокультурный интердетерминизм подчеркивает аспект взаимодействия личности, активности и ее ситуативного контекста, проявляющейся в том, что любое изменение в одном из них приводит к изменению в двух других. Наконец, психологическая феноменология исторически анализируется в измерениях осознаваемого, бессознательного и экзистенциального, составляющего еще один континуум постижения психологической феноменологии.

Определение в предмете с необходимостью предполагает учет качественной специфичности анализируемой феноменологии, которая мне видится в следующем:

- отсутствие непосредственного доступа к психической реальности, невозможность ее изоморфного и аутентичного измерения и верификации;
- доминирование второсигнальной или символической системы, позволяющее оторваться от «здесь» и

- «сейчас», переносясь в пространстве и времени;
- разнокачественность природ — биологическая, психическая, социальная (символическая);
 - семиотическая субъективность и интерсубъективность;
 - экзистенциальная переживаемость, вотканность бытия-в-мире;
 - существенное влияние зафиксированного и трансформированного в прошлом опыта бессознательного;
 - культурно-историческая обусловленность;
 - активное участие в процессе создания обстоятельств собственной жизни.

Именно эта качественная специфичность и задает ограничители в области онтолого-эпистемологических оснований, методологии и методов исследования, принятых в естествознании. И можно бесконечно совершенствовать техническое и технологическое обеспечение исследований, обеспечивать абсолютную прозрачность процедуры и эмпирических данных и т.п., но объективное препарирование живых сущностей, переживающих свое бытие-в-мире, находящихся в бесконечном процессе выработки семиотических значений и смыслов, формирующих и переосмысливающих ценности и нормы, радикально меняющих свое отношение к объектам и событиям под влиянием объективных и субъективных факторов и многое-многое другое, — не может быть достигнуто в принципе. Умертвив живую плоть, можно получить великолепный анатомический срез. Он будет всем хорош, только бездушен. Поэтому психологическому исследованию требуются качественно отличные инструменты и технологии, основанные на адекватных методологических основаниях, свободных от комплекса научной неполноценности в случае отличия от естественно-науч-

ных. И если психологическое знание не будет убегать от реальной жизни, продуцируя знание, способствующее ее гармонизации, то и авторитет у него будет значительно выше, нежели в случае, если оно будет вгонять себя в принятые рамки и шаблоны. И если у физики объектом верификации теорий выступает неживая природа, то у психологии живая социальная жизнь.

Определение в предмете как исходном основании требует проработки условий осуществления диалога. Первым условием является создание альтернативы классической безальтернативной логике или/или. В такой логике альтернативные подходы начинают рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие (Библер, 1991). Целью же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного межпарадигмального и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаимодействие в области углубления понимания психологической феноменологии. Практическая реализация такого рода логики требует разработки принципиально нового методологического подхода, позволяющего создать основания для подлинного диалога, по своей сути исходно предполагающего взаимное принятие и выработку совместных решений консенсуального типа. Авторская попытка решения этой задачи представлена в рамках интегративно-эклетического подхода к анализу психологической феноменологии в условиях существующего многообразия традиций (Янчук, 2000).

Суть подхода заключается в многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного «инсайтирования», предполагающего включение в плоскость рассмотрения различных аспектов множественности, диалогичности, диатропичности изучаемого феномена.

Способность встать на позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность остраненного¹ анализа, превращающегося в еще один «вечный двигатель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополизации истины со всеми вытекающими последствиями, а именно о свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием.

Развитие интегративно-эклетиического подхода нашло свое выражение в социокультурно-интердетерминистском диалогическом дополнении, предлагающем ряд условий углубления понимания психологической феноменологии:

- плюралистичность и толерантность по своей сути, реализующиеся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;

¹ Ред.: «Остранение — термин эстетики и философии искусства 20 в., фиксирующий комплекс художественных приемов..., при котором выразительность изображаемого разрушает привычные стандарты восприятия. Введенное В. Шкловским и разработанное представителями русской формальной школы ОПОЯЗ... в 20-х гг. при исследовании внутренней формы и структуры слова понятие остранения являло радикальную смену точки наблюдения и способа видения во всем пространстве выраженности художественного факта. Согласно Шкловскому, прием остранения переструктурирует поле восприятия: “не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание видения его, а не узнавания”. Поскольку же цель остранения заключается в “выводе вещи из автоматизма восприятия”, то сама процедура фактически изменяет вектор интенциональности воспринимающего сознания» (Кругликов В. А. Остранение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. / В. С. Степин и др. М.: Мысль, 2010. С. 171).

- согласованность исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадения и рассогласования позиций;
- социокультурная интердетерминированность, выражающаяся в признании взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования изучаемого феномена;
- диалогичность, проявляющаяся в способности созидания совместного знания с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанная на логике взаимообогащения и взаиморазвития (Янчук, 2012, с. 14).

Определив методолого-теоретические основания диалога, можно переходить к вопросу существа предлагаемой метатеории. Первостепенным вопросом является определение содержательных рамок теории или пространств психологической феноменологии, на которую она может быть экстраполирована. Ориентированность на построение пространств интеграционного свойства предполагает определение в общем основании, пронизывающем все остальные и обуславливающим их своеобразие.

Возобновление интереса к культурной обусловленности психологической феноменологии послужило основанием для выдвижения идеи о четырехмерности континуума, где культура выступает в качестве четвертого универсального всепроникающего измерения. Это резонирует с современным контекстом Культурной революции в психологии (Valsiner, 2014a; 2014b). Причем эмпирические подтверждения влияния культуры (наличие выраженных кросс-культурных различий) накоплены в различных областях

научного знания (антропология, биология, медицина, нейронауки и др. (Ellis, Stam, 2015; Gelfand, Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi, 2011–2014; Keith, 2011; Toomela, 2007)).

Культурно-диалогическая интердетерминация как механизм интеграции функционирования и понимания психологической феноменологии. Как отмечалось выше, в процессе упорядочивания психологической феноменологии, представленной в различных системах парадигмальных координат, традиций и подходов, было предложено три пространства на основании критериев разнокачественности природ, сфер психического и областей его изучения. Однако данные пространства не существуют как автономные, самодостаточные сущности, а как взаимодополняющие и взаиморасширяющие возможности и глубину постижение природы представляемых феноменов. Так как вместе взятые они описывают именно психологическую специфику человека в его био-психо-социальной сущности в сферах осознаваемого-бессознательного-экзистенциального, изучаемых в аспектах личности, окружения и активности, крайне важным является нахождение общего основания, интенционально присутствующего в каждом из представленных компонентов обсуждаемой триады и обусловливающего их своеобразие в итико-имическом ракурсах.

В качестве такого всепроникающего конструкта мною артикулируется культура, трактуемая вслед за R. Priest, как научаемая конфигурация понятий, образов, обобщений, представлений, ценностей, норм и других символических элементов, широко разделяемых членами данного общества или социальной группы, которая функционирует как ориентационная и нормативная структура поведения и как коммуникативная матрица, посредством которой поведение интерпретируется, интегрируется, координируется

и санкционируется. Культура не является статичным образованием, а представляет собой живой, саморазвивающийся механизм, качественно прирастающий на каждом последующем витке смены поколений, получающих в концентрированном и критически (или некритически) переосмысленном виде опыт предшествующих.

В своих размышлениях о влиянии культуры на психологическую феноменологию Д. А. Леонтьев подчеркивает его двойкий характер, заключающийся: (1) в культивировании общецивилизационных механизмов жизни в обществе, ограничении влияния природных императивов и формировании базовых механизмов саморегуляции и (2) в усвоении характерных для данной специфической культуры знаково-символических структур и ценностно-смысловых регуляторов (эти два аспекта можно обозначить, соответственно, как номокультурный и идиокультурный) (Леонтьев, 2013, с. 29). Ряд отечественных исследователей идет еще дальше, говоря о парадигмах конструирования разнообразия миров (Асмолов, 2008) и парадигме конструктивизма в гуманитарном знании в целом (Петренко, 2010). По существу, речь идет о культурном конструктивизме как эпистемологии не только психологического, но и всего гуманитарного знания (Янчук, 2000, с. 26). Обсуждая роль культуры в процессе познания, L. M. Simão говорит о семиотическом культурном конструктивизме, основывающемся на понятии «*Bildung*» Н.-Г. Гадамера и идеях E. Voesch о культуре как *поле действий* и культуре как *семиотическом опосредовании психологических процессов* J. Valsiner (Simão, 2005, p. 549).

Культура, как это подчеркивает один из ведущих представителей культурной психологии Я. Вальсинер, «если она рассматривается как процесс семиотической медиации человеческой жизни, является инструментом, обеспечивающим гибкость человеческой психики при ее

столкновении с многообразием обстоятельств... конструирования принципиально нового, раздвижения границ понимания и бытия» (Valsiner, 2014a, p. 258). Следовательно, культура может рассматриваться как медиатор и в контексте обозначенных пространств, а также их компонентов.

Таким образом, разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание может быть отображено в рамках следующих четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное. Визуализация этих пространств представлена на рис. 3.

Введенные четырехмерные пространства интеграции психологической феноменологии отражают сложившуюся в последние годы тенденцию окультуривания различных областей исследований и выраженного стремления к междисциплинарной интеграции и кооперации. Комплексное взаимодействие биологического, психического и социального ста-

ло активно изучаться и в медицине (Goli, Yanchuk, 2012; Goli, Yanchuk, Torkaman, 2015; Kitayama, Salvador, 2017). Один из признанных специалистов в области культурной нейронауки Шинобу Китаяма, получившей бурное развитие в последнее время, говорит о специфических биологических механизмах, вовлеченных в процесс культурного научения, о необходимости прояснения взаимообусловленности биологического и социального на индивидуальном и групповом уровнях, культурном символическом ландшафте (Kitayama, Salvador, 2017, p. 850).

Даже в такой консервативной области, как медицина, все большую популярность приобретает био-психо-социальная модель (Lane, 2014). Роль культуры в этом процессе была убедительно показана в выполненном под моим руководством диссертационном исследовании З. Голи «Сравнение представлений, копинг-стратегий и способов регулирования боли у иранских и белорусских пациентов, испытывающих хроническую боль» (Голи, 2014). Результаты этого исследования показали, что преодоление такого болезненного феномена как хроническая боль в существенной степени зависит от характера обращения с пациентом со стороны медицинского персонала, наличия у него психологической мотивации на излечение.

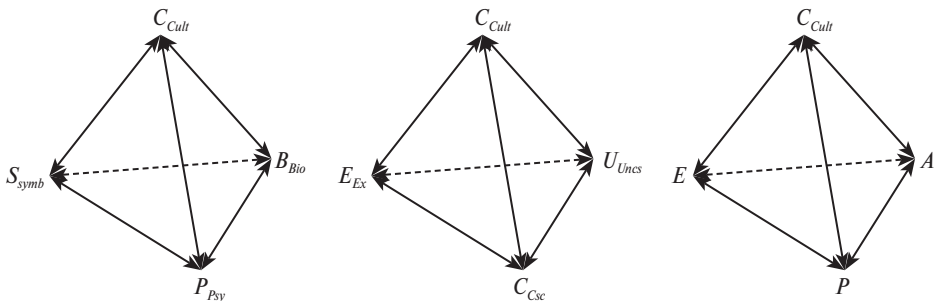

Рис. 3. Четырехмерные континуумы репрезентации разнокачественных природ (биологическое—психическое—социальное), сфер отражаемой реальности (осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное) и областей исследований (личность—окружение—активность) психологической феноменологии

Такого рода исследования стимулировали и междисциплинарную интеграцию, ярким примером которой явилась состоявшаяся в 2014 году в Суджу (Китай) совместная конференция физиков, медиков и психологов, продемонстрировавшая продуктивность совместного обсуждения феномена человека и как био-психо-социальной сущности и как физического объекта (Yanchuk, 2014). Именно диалог представителей, казалось бы, качественно отличающихся областей знания позволил сформировать общее понимание специфики гетерогенности природы человека, своеобразия монодисциплинарных и мультидисциплинарных ракурсов рассмотрения феноменологии поведения и, главное, направления и потенциальные возможности в расширении горизонтов и углубления понимания проблематики.

Традиционная концентрация на осознаваемых процессах познавательной активности благодаря гению Фрейда была дополнена измерением бессознательного, а в последующем — экзистенциального. В своем взаимодействии с внутренним и внешним миром человек предстает не только как перерабатывающая информацию познавательная система, но и находящаяся под существенным влиянием бессознательного, проявляющегося в формировании отношения к происходящему, прошлому и будущему, направляющему интерпретацию и актуализирующего интернализированные автоматизированные поведенческие алгоритмы и т.п. Человек не только принимает решения и реагирует на происходящее, но и переживает его, будучи вотканным в жизнь, в бытие-в-мире. Блестящая плеяда экзистенциалистов (С. Кьеркегор, Л. Бисвангер, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр,) акцентировала внимание на вотканности человека в мир, на его переживания происходящего, связанность с миром, выраженную в бытии-в-мире. В отличие

от Фрейда, блестяще препарировавшего болезнь, Кьеркегор пережил ее и описал изнутри. Такого рода вотканность и переживаемость бытия-в-мире не схватывается классическими инструментами, остается за их рамками. Но она незримо, чувственно присутствует в поведении человека, определяя отношение к нему и интерпретацию, переживание и со-переживание, следовательно, не учитывать ее — значит уходить от реальности жизни, упрощать ее. М. Boss подчеркивает в этой связи, что только подключение эпистемологий, обладающих способностью истинного постижения нашего «человеческого бытия-в-мире», предоставляет возможность понимания комплексности природы поведения человека (Boss, 1983).

Принцип культурно-диалогического интердетерминизма. Особое значение для развития психологического знания представляет вопрос взаимоотношения выделенных компонентов четырехмерных пространств. Традиционная фрагментация психологического знания на все более и более мелкие единицы в поиске своеобразных первоатомов психического приводит к утопанию его в огромном количестве аспектов и деталей, все дальше и дальше уводящих от понимания целостного, системного функционирования. Более того, качества системности психического, выражающегося в том, что в процессе взаимодействия этих отдельных фрагментов образуются новые качества, не сводимые к простой сумме составляющих систему элементов, тот самый гештальт, экспериментально установленный Вертгеймером на примере фи-феномена (*phi-phenomenon*) (Wertheimer, 1912). Компоненты системы находятся в постоянном взаимодействии, образуя все новые и новые качества и качественно изменяясь на каждом последующем этапе взаимодействия. Тем самым реализуется психодинамика, и речь надо вести не о статике, а именно

динамике психических процессов и явлений (Valsiner, Molenaar, Lyra, Chaudhary, 2009; Witherington, 2007).

Описание специфики взаимодействия, приводящего к качественному изменению системы, не сводимому к простой сумме составляющих ее элементов, посредством классического принципа детерминизма является крайним упрощением реальности. Это послужило исходной посылкой обоснования принципа культурно-диалогической интердетерминации, содержательная характеристика которого будет представлена ниже.

По существу, речь идет об авторском развитии широко известной трехкомпонентной формулы К. Левина, описывающей поведение как функцию от личности и внешнего окружения $B = f(P, E)$. Переосмысление данной формулы в контексте реципрокной (взаимной) детерминации сделано выдающимся психологом современности А. Бандурой (Bandura, 1978). Характеризуя подход Левина как ненаправленный, он предложил частично двунаправленную трансформацию его формулы в виде $B = f(P \rightleftharpoons E)$. А. Бандура разработал принцип реципрокного детерминизма, в соответствии с которым любое изменение одного из элементов обозначенной триады с неизбежностью приводит к изменениям в двух других и наоборот. Как подчеркивает автор, «во взаимодействии, которое анализируется как процесс взаимной детерминации, поведение, внутренние личностные факторы и влияния окружения оперируют как взаимосвязанные детерминанты друг друга» (там же, р. 346). По его мнению, «теория социального научения рассматривает реципрокный детерминизм как основополагающий принцип анализа психосоциальной феноменологии на различных уровнях сложности, варьирующийся от интраличностного развития к межличностному поведению и к взаимодействующему функционированию

в организационных и социетальных системах» (там же, р. 356).

Тем не менее рассмотрение многокомпонентного (двухкомпонентного у А. Бандуры) взаимодействия в контексте принципа детерминизма является крайне ограниченным. В этом контексте можно сослаться на анализ возможности применения метафоры физического детерминизма по отношению к психологической феноменологии, проведенный Р. van Geert, выделившим следующие ограничения: 1) принципиальная невозможность достижения исчерпывающей точности измерения физических условий; 2) детерминизм (а скорее, невозможность детерминизма) является двусторонним феноменом, не позволяющим не только предсказывать будущее, но и использовать прошлое в весьма ограниченной степени (события теряют информацию о своем прошлом и, соответственно, вся информация о прошлом теряется в процессе энтропии); 3) в случае снижения проблем до микроуровня детерминизм в аспектах предсказательности и познаваемости демонстрирует существенное отклонение от точности физических предсказаний; 4) микроскопическая индетерминация приводит к макроскопической упорядоченности, простоте и предсказуемости в основном благодаря закону больших чисел (van Geert, 1997, р. 17).

В качестве интегративного решения мною предложен **принцип диалогического интердетерминизма**. В качестве основополагающих понятий подхода выступают понятия **интердетерминации** и **диалогической интердетерминации**. При этом под **интердетерминацией** понимается процесс взаимообусловливания и взаимозменений элементов гетерогенных динамических систем, интегрирующий взаимодействие как детерминационного, так и индетерминационного свойства, воплощаясь в обретении нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его

частей. Специфику *диалогической интердетерминации* составляет взаимодействие, основанное на безусловном принятии другойности (otherness) элементов гетерогенных (многоголосых, multivoices) динамических систем, направленное на нахождение взаимоприемлемых структурно-содержательных оснований и форм (часто компромиссного характера), способствующих формированию совместно созданных, согласованных и внутренне принятых состояний гомеостаза (интерсубъективности, интерэкзистенциальности, био-психо-социального баланса и т.п.), обеспечивающих оптимальное сосуществование в условиях конкретного социального и природного окружения в рамках локального (зона ближайшего развития) пространства и времени и более отдаленной жизненной перспективы (зона отдаленного развития).

Приставка *«интер»* показывает способ, посредством которого мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на общедоступном, так и научном уровнях, сохранив их в исходном состоянии. Метафора такого рода представляет различие внутреннего и внешнего, связанного с осмыслением пространства. Значение находится ни «внутри», ни «вовне»: оно находится «между» (Mininni, 2010, p. 24–25). Созидание и управление состояниями функциональных процессов жизнеобеспечения предполагает нахождение наиболее приемлемых форм организации взаимодействия на уровне разнокачественных природ и сфер психического, личностных, средовых и активностных составляющих. Именно в такого рода взаимодействии происходит (или не происходит) достижение своеобразного взаимоустраивающего компромисса (баланса, гомеостаза), обеспечивающего либо оптимальное, либо минимально достаточное состояние со-существования, обеспечивающее интеграцию и координацию поведения.

Суть предлагаемого метаподхода заключается в обосновании диалогической интердетерминированности функционального состояния динамических гетерогенных психологических систем в определенных точках пространственно-временного континуума (этапах, периодах и т.п.), достигаемого посредством нахождения баланса взаимодействия сопряженных внутренних и внешних систем, определяющих выживание самой системы в условиях конкретного социального и природного окружения. Подчеркивается взаимовлияющий и взаимообуславливающий характер взаимодействия составляющих систему гетерогенных элементов (multivoicesness), находящихся в процессе постоянного изменения. Любое изменение одного из них неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах системы и наоборот. Причем, произошедшие изменения приводят к изменению качества самой динамической гетерогенной системы, обретающей новообразования в виде расширения, переосмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообуславливающими друг друга. Акцентируется внимание на том, что каждый из элементов не существует в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими. По существу, речь идет об обретении системой нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих целое частей (по аналогии с Вергеймеровским гештальтом) (Wertheimer, 1912), сохранение которого поддерживается до момента обретения внутренними и внешними элементами сопряженных систем состояния критической массы накопленных противоречий, обуславливающего необходимость перехода в новое качество, способствующее их разрешению. Причем процесс трансформации качества системы носит не линейный, а ступенчатый характер. Достигнутое

состояние сохраняется до момента исчерпания внутренних и внешних функциональных ресурсов жизнеобеспечения в конкретных условиях социального и природного окружения. Диалогический характер такого рода трансформационного взаимодействия проявляется в совместном созидании возможностей со-существования и со-развития всеми сопряженными элементами динамической гетерогенной системы.

В процессе диалогической интердетерминации поведение, внутренние личностные факторы и влияние окружения представляют собой взаимозависимые интердетерминанты друг друга, обусловленные интердетерминационным взаимодействием разнокачественных биологической, психической и социальной (символической) природ и сфер осознаваемого-бессознательно-экзистенциального, обусловленных контекстом культуры. При этом внимание акцентируется на культурной обусловленности поведения, выступающей в качестве его универсальной интердетерминанты, определяющей своеобразие психологической феноменологии в аспектах био-психо-социально и осознаваемого-бессознательно-экзистенциального в измерениях личность-окружение-активность.

Созвучная идея артикулирована в подходе «исторической экологии», развиваемого С. L. Stumley и соавторами, подчеркивающими зависимый от обстоятельств и обладающий потенциально широким спектром возможностей характер человеческого приспособления к ограничениям окружающей среды (Stumley, 1994). Ими утверждается, что не только человек адаптируется и регулирует свое поведение по отношению к внешней среде, но одновременно он прилагает усилия к изменению этой среды в целях достижения состояния устраивающего равновесия. Сегодня накоплен достаточно обширный эмпирический материал

по такого рода интердетерминации на биологическом знании. В многочисленных исследованиях показана приспособительная трансформация структур мозга к условиям взаимодействия с внешним окружением (Gergen, 2010), генетических изменениях (de Jong, 2000), связанных с изменением природного окружения (например, потеплением и загрязнением внешней среды) и многое другое.

В развитие представленных подходов мною предложен *принцип диалогического интердетерминизма*, дополняющий принцип реципрокности интердетерминантой культурной обусловленности, носящей универсальный характер, включив ее также в континуумы биологическое—психическое—социальное и осознаваемое—бессознательно—экзистенциальное. Этим преодолевается косвенно присутствующее в представленных формализациях Левина и Бандуры сведение анализа психологической феноменологии только к пространству областей изучения. Отличительные особенности анализируемых подходов наглядно представлены на рис. 4.

В предлагаемом подходе пространство личность—окружение—активность, скорее, отражает внешнее описание, не претендующее на более глубинные пласты понимания специфики психологической феноменологии. Включение пространства биологическое—психическое—символическое (социальное)—культурно обусловленное расширяет горизонты видения проблемного поля психологической феноменологии. Природа человека в большей своей части социальна в смысле приоритетности ее символического качества, второсигнальной регуляции поведения. И неучет последней приводит к биологизаторству, сводящему многообразие проявлений психического как детерминированного различными комбинациями генов. Налицо все тот же редукционизм, периодически проявляющийся

в сенсационных «открытиях» генов криминальности, супружеской неверности и т.п. Подобные редукции представляют собой не только вульгарное упрощение, рассчитанное на несведущую аудиторию, но и представляют социальную опасность за судьбу тех лиц, у которых эта комбинация идентифицирована. Я не говорю уже о проблеме этического аспекта подобного рода «открытий». Пример того же био-психо-социального подхода, становящегося все более популярным, даже в такой консервативной области знания как медицина, говорит о значительно более сложном взаимодействии этих детерминант. Не акцентируя внимания на рассмотрении проблемы первичности той или иной интердетерминанты, я выделяю именно аспект взаимной обусловленности и взаимодетерминации. Тем более, в случае уже обсуждавшейся культурной обусловленности и биологического, и психического, и социального.

Отношение диалогической интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит к изменению во всех взаимосвязанных элементах. Причем, происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей но-

вообразования в виде расширения, переосмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообусловливающими друг друга, и последнее акцентирует внимание на том, что каждый из элементов существует не в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими.

В то же время само понятие взаимодействия является крайне ограничивающим по отношению к со-существованию или диалогу разнокачественных (гетерогенных) сущностей, не обретающих новое интегрированное качество, а сохраняющих свою исходную уникальность, но образующих новое качество, находящееся вовне, над образующими его. Наиболее аутентичным для описания данного состояния является понятие диалога в его Бахтиновском понимании (Bakhtin, 1986). Когда люди находятся в диалоге, они взаимодействуют посредством взаимно активной динамики прояснения дискурсов подобно формированию значений и договариваются в сфере потребностей, интересов и желаний, которые будут достигнуты в случае достижения взаимного согласия, одновременно, сохраняя собственную уникальность и относительную автономность. Диалогический характер интердетерминистского взаимодействия

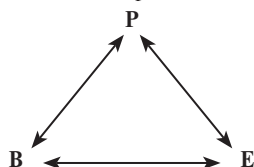
Ненаправленное (K. Levin, 1936)

$$B = f(P, E)$$

Частично направленное (A. Bandura, 1978)

$$B = f(P \rightleftarrows E)$$

Взаимонаправленное

4D-направленное (B. A. Янчук, 2014)

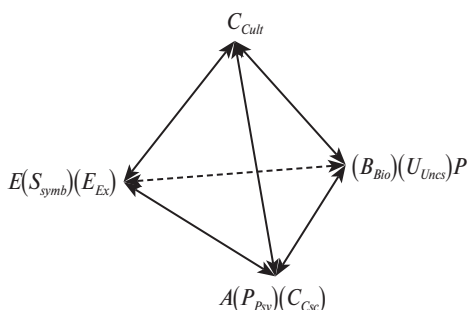

Рис. 4. Сравнение ненаправленного (Левин), частично двунаправленного (Бандура) и полинаправленного (Янчук) взаимодействия детерминант (интердетерминант) поведения

проявляется, во-первых, в безусловном принятии Другого, обусловленном невозможностью несовместного существования в принципе, во-вторых, в обретении нового качества взаимодействующими сторонами, не присутствующего ни в одном из них по отдельности. Эта специфика диалога как формы взаимодействия обусловлена еще и качественной специфичностью самого человека как объекта и субъекта познания. М. М. Бахтин подчеркивает в этой связи, что «субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» (Бахтин, 1986, с. 383). В целом диалогизм М. М. Бахтина содержательно может быть охарактеризован следующими особенностями, систематизированными J. Salgado и J. W. Clegg:

- 1) первичность отношений над объектами (отношенеческость);
- 2) отношения представляют собой динамический и развивающийся процесс (динамизм);
- 3) человеческие отношения опосредованы знаками (семиотическая опосредованность);
- 4) отношения предполагают открытость, т.е. отношения между Я и Другими (открытость);
- 5) человеческие отношения являются диалогическими или отношениями договаривания (диалогичность);
- 6) диалогические отношения включают и зависят от социокультурного (контекстуальность) (Salgado, Clegg, 2011, p. 428).

Авторы особо подчеркивают, что «диалогизм понимает человеческое бытие как бытие-в-отношениях-с-другими, он концептуализирует продолжающийся опыт как динамическое договаривание, составляющее эти отношения... согласо-

вание значений включает обширное множество голосов, воплощенных в конкретных языках, социальных нормах, индивидуальных социальных историях и других формах разделяемых значений... Диалогизм утверждает, что отношенческий и социокультурный контекст являются неотделимыми (принципы отношенеческости и контекстуальности), но не идентичными (принцип открытости)» (там же, p. 428–429).

Перечисленные особенности диалогизма создают основания для интеграции охваченных в предлагаемой метатеории разнокачественных природ, сфер и областей психологической феноменологии, представленных в виде трех культурно обусловленных четырехмерных пространств биологическое–психическое–символическое, осознаваемое–бессознательное–экзистенциальное и личность–окружение–активность. Каждый из компонентов выделенных пространств находится в отношении диалогической интердетерминации, образуя в совокупности единое динамическое гетерогенное системное целое или качество, не сводимое к простой сумме его составляющих. Таким образом, диалог пространств приобретает вид пирамиды, каждый элемент которой равнозначен (см. изображение на рис. 5).

Изложенное позволило качественно расширить рамки принципа реципрокного детерминизма за счет акцентирования внимания, во-первых, на интердетерминационном характере взаимодействия личностных, ситуативных и активностных детерминант поведения, и, во-вторых, учета их культурной обусловленности. Здесь речь идет не о состоянии однонаправленной или частично двунаправленной детерминации, а качественно отличным характере взаимодействия диалогического свойства, предполагающего исходную равнозначность, взаимобусловленность и взаимовлияние, при-

водящего к формированию нового качественного состояния, не представленного в отдельно взятых детерминантах.

Косвенное подтверждение продуктивности предлагаемого подхода представлено в исследовании интердетерминационного по своему характеру взаимодействия личности и окружения в процессе целенаправленного психологического влияния на достижения в учебной деятельности афроамериканских учащихся посредством организации поддерживающей среды (Powers, Cook, Purdie-Vaughns, Garcia, Apfel, Cohen, 2016). В условиях контролируемого эксперимента была убедительно продемонстрирована возможность целенаправленного конструирования позитивных коллективных последствий изменения психологических процессов индивидов. Целенаправленное вмешательство триггерировало не только изменения в индивидах, но и посредством этого изменения в атмосфере группы, при котором взаимодействующие силы приходили в состояние квази-устойчивого равновесия, способствующее позитивным достижениям всех учащихся вне зависимости от осуществляемого по отношению к ним вме-

шательства (там же, р. 158). Сходные результаты были получены и в отношении предшествующей учебной Я-концепции и достижениям, оказывающим положительное влияние и на самооценку и на достижения, основывающиеся на эффекте модели взаимовлияния и результаты метаанализа (Marsh, Graven, 2006).

Публикации последних лет показывают возрастание интереса к средовой (ситуация, окружение) интердетерминанте поведения. В исследованиях J. F. Rauthmann и коллег (Rauthmann, Sherman, Funder, 2015; Funder, 2016) установлены три основополагающих принципа психологического изучения средовой (ситуационной) детерминации поведения: переработки, реальности и циркулярности. *Принцип переработки* конкретизируется в том, что процесс переработки информации о ситуации является крайне важным для определения в ней и влияет на находящихся в ней индивидов. Это означает, что ситуация влияет на мышление, чувства, желания и действия в процессе психологической переработки информации о ней. *Принцип реальности* проясняет то, как различные реальности — природная (сигналы), согласованная реальность (нормативная социальная реальность) и идиосинкразическая реальность (уникальная личностная реальность) — содержатся в ситуации и согласовывают объективную и субъективные перспективы. *Принцип циркулярности* акцентирует внимание на том, что личностные восприятия и характеристики самой ситуации соединяются в случае определения и измерения ситуации в определениях (i) умственных состояний или поведения (оценка состояния); (ii) оценки или выводов о последствиях умственного состояния или поведения (оценка последствий); и/или (iii) только собственных восприятий (оценка приближения) (Rauthmann, Sherman, Funder, 2015, р. 372).

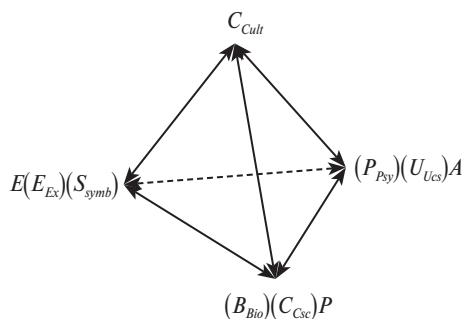

Рис. 5. Состояние диалогической интердетерминации, где C_{Cult} — культурное развитие; B_{Bio} — биологическое; P_{Psy} — психическое; S_{Symb} — символическое; C_{Csc} — осознаваемое; U_{Ucs} — бессознательное; E_{Ex} — экзистенциальное; A — активность; P — личность; E — окружение

Влияние среды на процесс обучения и профессиональной деформации педагогов послужили основанием для введения конструкта «эко-культурная диалогическая среда», в рамках которого приводятся характеристики, способствующие продуктивности совместной деятельности и профилактирующие деформационные процессы (Янчук, 2013а; 2013б). В последующем средово-лично-активная интердетерминация стала предметом специального исследования профессиональной деформации учителей, выполненном под моим научным руководством Е. И. Сапего (Янчук, Сапего, 2017). В исследовании показано, что состояние среды и рутинный, повторяющийся характер профессиональной активности учителей приводит к профессиональному деформированию и всем связанным с ним издержкам. Решение же проблемы заключается в изменении этой среды, вооружении учителей копинг-стратегиями «освобождения» от деформирующего влияния, в том числе, посредством остранения от профессии за пределами образовательного учреждения, формирования культуры антидеформирования.

Наглядная демонстрация специфики диалогической интердетерминации была продемонстрирована на примере феномена био-психо-социальной адаптации алкоголиков (Янчук, 2015б). Она представляет собой социокультурно-интердетерминистский диалогический процесс согласования природных, биологических и психологических состояний, социокультурных диспозиций, направленный на достижение баланса (физиологического, психологического, экзистенциального) во взаимодействии с непосредственным и опосредованным социальным и природным окружением. Причем, ситуация рассматривается в контексте комплексного интердетерминационного взаимодействия био-психо-социального или природного, психического и социального

диалогического свойства. В исследовании показано, что преодоление алкогольной зависимости предполагает не только освобождение от алкогольной биохимической зависимости, но и формирование экокультурной диалогической поддерживающей среды (групп самопомощи, семейного окружения, поддерживающего формирование нового качества независимого от алкоголя человека и т.п.), способствующих социальной реабилитации, а также глубинную психологическую работу с экзистенциальными проблемами, связанными с осознанием собственной уязвимости и социальной отверженности и формирования способности к самодетерминации алкогольно-независимого поведения. Формирование такого рода самодетерминирующего поведения напрямую связано с разрешением бессознательных конфликтов посредством психоаналитических процедур. Таким образом продемонстрированы возможности вовлечения пространства осознаваемо-бессознательно-экзистенциального к решению психологических проблем алкогольно-зависимых пациентов.

Роль культурной обусловленности разнокачественных природ и областей изучения психологических феноменов была наглядно показана в кросс-культурном сравнении иранских и белорусских пациентов, испытывающих хроническую боль, выполненном иранским психологом З. Голи (Голи, 2014). В исследовании показана ключевая роль психосоциальных факторов в результатах переживания боли, определяющих специфику поведенческого реагирования пациента на восприятие физиологических нарушений. Показано, что роль психологических и социальных факторов увеличивается по сравнению с биологическими факторами по мере становления боли более хронической (Goli, Yanchuk, 2012, p. 46). Воплощением на практике этой идеи является появление нового

направления в медицине — биопсихосоциальной медицины (Junne, Zipfel, 2015). Приобретая особую популярность в Японии, славящейся своим уровнем продолжительности жизни, оно нашло свое воплощение в специализированном журнале «БиоПсихоСоциальная медицина» («BioPsychoSocial Medicine»).

Роль экзистенциальной интердетерминанты в ее взаимообусловленности с осознаваемым и бессознательным стала предметом специального исследования рецидивов культурной интеграции мигрантов. На большой выборке мигрантов из Украины показана их экзистенциальная неудовлетворенность ситуацией оторванности от родины и непринятости местным населением. Ситуация временности пребывания на чужой территории усугубляет эти проблемы и в случае отсутствия поддерживающих интеграционных сред может приводить к самым негативным последствиям. Показана и роль поддерживающих сред в процессе культурной интеграции мигрантов, а также формирования межкультурной компетентности как условия ее эффективности (Янчук, 2013а; 2013б; 2014).

Не ставя себе целью дальнейшую аргументацию перспективности предлагаемого метатеоретического подхода, отмечу, что в его рамках особое внимание уделяется результатам взаимодействия разнокачественных природ, сфер психического и областей его проявления. В контексте интегративных новообразований особый интерес представляют конструкты, обозначающие результаты такого рода диалогического интердетерминационного взаимодействия, к которым относятся интерсубъективность, интертекстуальность и интерэкзистенциальность. Все эти конструкты имеют двойную природу — определяют результат взаимодействия, условия его успешности и основания и перспективы последующего развития.

Заключение. Резюмируя изложенное, еще раз акцентирую внимание на необходимость расширения горизонтов видения проблематики нахождения дополнительных ресурсов постижения психологической феноменологии диалога, во-первых, за счет придания им характера многомерности, мультипарадигмальности и мультидисциплинарности, предполагающей привлечение ресурсов знаний, накопленных в сопряженных системах парадигмальных координат психологического знания и смежных областей знания. Во-вторых, осознания культурно-диалогико-интердетерминационного характера взаимодействия гетерогенных интердетерминант. В-третьих, культуризации психологического знания посредством привлечения концептуального аппарата современной культурной психологии. В-четвертых, выхода за рамки персонцентризма за счет включения в плоскость анализа интердетерминирующего влияния эго-протяженности, включающей социальное и природное окружение, помещенное в конкретный историко-социокультурный контекст и т.п.

Характеризуя представленную метафизику в целом, можно констатировать следующее:

1. Исходной посылкой выступает констатация комплексной био-психо-социальной культурно обусловленной гетерогенной динамической природы психологической феноменологии. В частности, осознание того, что многие психические расстройства и психологические проблемы человека связаны с биологическими нарушениями, проявляющимися в нарушениях психической активности и, наоборот, многие дисфункции биологического уровня имеют психологическую подоплеку (очевидным примером чего являются многочисленные психосоматические расстройства). Как те, так и другие часто провоцируются социальной дисгармонией (и, в свою очередь,

детерминируют ее), актуализирующейся в межличностных противоречиях и связанных с ними межличностных и внутриличностных конфликтах, обуславливающих дискомфортность в социальном взаимодействии и, как следствие, неудовлетворенность самими собой. Наконец, имеются выраженные культурные различия в каждой из образующих, требующих учета, особенно, в межкультурном взаимодействии.

2. Биологическое—психическое—социальное, как и осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное, и личность—среда—активность, находятся в состоянии диалогической интердетерминации, проявляющемся в их взаимообусловленности и взаимовлиянии, выражающемся в обретении нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей. Качественное изменение одного элемента неизбежно приводит к изменениям в других сопряженных элементах обозначенной гетерогенной системы и наоборот. Обретение нового качества гетерогенной системы предполагает предварительную подготовку каждого из элементов к будущему качественно новому состоянию, включающему формирование био-психо-социальной и культурной готовности, осознание своеобразия нового состояния и потенциальных изменений, связанных с его обретением, профилактику и коррекцию потенциальных бессознательных противоречий и несоответствий зафиксированного в опыте старого новому, способствование экзистенциальному принятию измененного Я в его бытии-в-мире и признания себя в качестве самоинтердетерминирующего агента.

3. Оптимальное состояние гетерогенной динамической системы обеспечивается посредством диалога разнокачественных природ, сфер психического и областей его проявления, обеспечивающего сбалансированность целостного функционирования, посредством нахож-

дения и взаимовыработки взаимоприемлемых компромиссов и оптимумов совместного со-бытия. Как только этот баланс нарушается, начинают проявляться различные дисгармонии и дисфункции, стимулирующие поиск ресурсов их преодоления. Специфика диалогической формы взаимодействия в гетерогенной системе проявляется в безусловном принятии другойности (otherness) со-участников процесса совместного функционирования, ориентации на нахождение взаимоустраивающих решений, формировании своеобразного био-психо-символического, осознаваемо-бессознательно-экзистенциального гомеостаза, создающих общее основание для скоординированного и синхронизированного взаимопонимания и взаиморазвития в условиях конкретного социального и природного окружения и осуществляемой активности.

Литература

Асмолов А. Г. (2008). Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. №5. С.3–11.

Асмолов А. Г. (2012). Кризисы психологии в сетевом столетии (выступление на V съезде РПО) // Российский психологический журнал. Т. 9 (1). С. 7–11.

Асмолов А. Г. (2017). Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: мат-лы юбилейной конф.: Т. 6 / отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр. С. 79–95.

Бахтин М. М. (1986). К методологии гуманитарных наук // М. М. Бахтин «Эстетика словесного творчества». М.: Искусство.

Библер В. С. (1991). От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат.

Голи З. (2014). Сравнение представлений, копинг-стратегий и способов регулирования боли у иранских и белорусских пациентов, ис-

пытывающих хроническую боль. Автореф. дис. Минск: БГУ.

Леонтьев Д. А. (2013). О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» / Культурно-историческая психология. № 1. С. 22–31.

Леонтьев Д. А., Моспан А. Н. (2017). Картина мира, мировоззрение и определение неопределенного // Мир психологии. № 2. С. 12–19.

Петренко В. Ф. (2010). Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 5–12.

Петренко В. Ф. (2016). Перспективы развития психологической школы Выготского—Леонтьева—Лурии в контексте проблематики психосемантики бессознательного // Мир психологии. № 4. С. 54–67.

Юревич А. В. (1999). Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. № 2. С. 14–23.

Янчук В. А. (2000). Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Минск: Бестпринт.

Янчук В. А. (2003). Психология постмодерна // Время как фактор изменений личности: сб. науч. трудов / под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова. Минск: ЕГУ. С. 175–201.

Янчук В. А. (2005). Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР.

Янчук В. А. (2006). Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 193–200.

Янчук В. А. (2012). Межпарадигмальный диалог как ресурс углубления понимания психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Психологический журнал. № 2. С. 4–17.

Янчук В. А. (2013а). Эко-культурная образовательная среда: формирование и развитие. Ч. 1: Образование, наука и инновации // Адукацыя і выхаванне, 1, 60–67.

Янчук В. А. (2013б). Эко-культурная образовательная среда: формирование и развитие. Ч. 2: От культурной к межкультурной компетентности // Адукацыя і выхаванне, 7, 69–76.

Янчук В. А. (2014). Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива углубления понимания межкультурного взаимопонимания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. № 3 (11). С. 241–253.

Янчук В. А. (2015а). К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. материалов юбилейной конф.: В 5 т. Т. 1. М.: Когито-центр. С. 136–138.

Янчук В. А. (2015б). Четырехмерный континуум понимания феноменологии биопсихосоциальной адаптации: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Материалы IV Междунар. конф. «Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе. Социализация субъекта на разных этапах социализации». Минск: Изд. центр БГУ. С. 530–536.

Янчук В. А. (2016а). Диалогическая интердетерминация в системе четырехмерных пространств анализа кросс-культурной феноменологии // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: мат-лы V Междунар. науч. конф., 27–28 мая 2016 г. В 2 т. Т. 1. Смоленск: Изд-во СГУ. С. 56–63.

Янчук В. А. (2016б). Л. С. Выготский и культурный переворот в психологии // Психологический Vademecum: Витебщина Л. С. Выготского: сб. науч. статей. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова. С. 21–33.

Янчук В. А. (2016с). Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеории интеграции психологического знания в контексте проблемы социального прогресса // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. В 8 ч. Ч. 1 / под ред. В. С. Белгородского и др. М.: МГУДТ. С. 317–324.

Янчук В. А. (2017а). Культурно-диалогическая интердетерминистская перспектива позиционирования в проблематике развития личности // Актуальные проблемы психологии развития личности: сб. науч. статей / А. В. Ракицкая, О. Г. Митрофанова (ред.). Гродно: ГрГУ. С. 7–13.

- Янчук В. А. (2017b). Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: мат-лы юбилейной конф.: Т. 6 / отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр. С. 297–331.
- Янчук В. А., Санего Е. И. (2017). Диалогическая интердетерминация в психологической феноменологии: пример профессиональной деформации педагогов // Интеграция образования. № 3. С. 459–476.
- Bakhtin M. (1986). *Speech genres and other late essays*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Bandura A. (1978). The Self-System in Reciprocal Determinism // *American Psychologist*, 33 (4), 345–358.
- Bohannon J. (2015). Many psychological papers fail replication test // *Science*, 349(6251), 910–911.
- Boss M. (1983). *The existential foundations of medicine and psychology*. NY.: Jason Aronson.
- Brinkmann S. (2011). *Towards an Expansive Hybrid Psychology: Integrating Theories of the Mediated Mind // IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45, 1–20.
- Cole M. (2010). *Vygotsky and Context: Toward a Resolution of Theoretical Disputes // M. G. Cole «The Sociocultural Turn in Psychology: The Contextual Emergence of Mind and Self»*. NY.: Columbia University Press. P. 253–280.
- Crumley C. (Ed.). (1994). *Historical ecology: cultural knowledge and changing landscapes*. Santa Fe, N.M.: School of American Research Press.
- de Jong H. (2000). Genetic Determinism. How not to Interpret Behavioral Genetics // *Theory & Psychology*, 10 (5), 615–637.
- Earp B. D., Trafimow D. (2015). Replication, falsification, and the crisis of confidence in social psychology // *Frontiers in psychology*, 6.
- Edwards M. (2010). *Organizational transformation for sustainability: An integral metatheory*. NY.: Routledge.
- Ellis B. D., Stam H. J. (2015). Crisis? What crisis? Cross-cultural psychology's appropriation of cultural psychology // *Culture & Psychology*, 21 (3), 293–317.
- Fogel A., Lyra C.D.P., Valsiner J. (Eds.) (1997). *Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes*. NY.: Psychology Press.
- Funder D. (2016). Taking Situations Seriously: The Situation Construal Model and the Riverside Situational Q-Sort // *Current Directions in Psychological Science*, 25 (3), 203–208.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. (2011). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 1. NY.: Oxford University Press.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. (2012). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 2. NY.: Oxford University Press.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. (2013). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 3. NY.: Oxford University Press.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. (2014). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 4. NY.: Oxford University Press.
- Gergen K. (2010). The Acculturated Brain // *Theory & Psychology*, 20 (6), 795–816.
- Goli Z., Yanchuk V. A. (2012). Effect of Racial and Ethnical Differences in Pain Perception: Explaining the Effective Mechanisms on It // *Психологический журнал*. № 3–4. С. 41–49.
- Goli Z., Yanchuk V., Torkaman Z. (2015). Cross-Cultural Adaptation and Validation of the Russian Version of the Pain Beliefs and Perceptions Inventory (R-PBPI) in Patients with Chronic Pain // *Current Psychology*, 34 (4), 772–780.
- Hart J. (2014). Toward an Integrative Theory of Psychological Defense // *Perspectives on Psychological Science*, 9 (1), 19–39.
- Healy P. (2012). Toward an integrative, pluralistic psychology: On the hermeneutico-dialogical conditions of the possibility for overcoming fragmentation // *New Ideas in Psychology*, 30, 271–280.
- Henriques G. (2008). The Problem of Psychology and the Integration of Human Knowledge: Contrasting Wilson's Consilience with the Tree of Knowledge System // *Theory & Psychology*, 18 (6), 731–755.
- Junne F., Zipfel S. (2015). Research prospects in BioPsychoSocial medicine: new year reflections on the "Cross-Border Dialogue" paradigm // *BioPsychoSocial Medicine*, 9 (10), 1–4.
- Keith K. (Ed.). (2011). *Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives*. Wiley-Blackwell.
- Kitayama S., Salvador C. E. (2017) *Culture Embrained: Going Beyond the Nature-Nurture Dichotomy // Perspectives on Psychological Science*. Vol. 12 (5), 841–854.

- Lane R. D. (2014). Is it possible to bridge the Biopsychosocial and Biomedical models? // *Bio-PsychoSocial Medicine*, Vol. 8 (3), 1–3.
- Lilienfeld S. (2017). Psychology's Replication Crisis and the Grant Culture: Righting the Ship // *Perspectives on Psychological Science*, 12(4), 660–664.
- Marsh H. W., Graven R. G. (2006). Reciprocal Effects of Self-Concept and Performance From a Multidimensional Perspective // *Perspective on Psychological Science*, 1 (2), 133–263.
- Mazur L. B., Watzlawick M. (2016). Debates about the Scientific Status of Psychology: Looking at the Bright Side // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 50 (4), 555–567.
- Mininni G. (2010). The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction // *IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science*, 44 (1), 23–29.
- Patil P., Peng R. D., Leek J. T. (2016). What Should Researchers Expect When They Replicate Studies? A Statistical View of Replicability in Psychological Science // *Perspectives on Psychological Science*, 11(4), 539–544.
- Powers J. T., Cook J. E., Purdie-Vaughns V., Garcia J., Apfel N., Cohen J. L. (2016). Changing Environments by Changing Individuals: The Emergent Effects of Psychological Intervention // *Psychological Science*, 27 (2), 150–160.
- Proietto M., Lombardo G. P. (2015). The “crisis” of psychology between fragmentation and integration: The Italian case // *Theory & Psychology*, 25(3), 313–327.
- Rauthmann J. F., Sherman R. A., Funder D. C. (2015). Principles of Situation Research: Towards a Better Understanding of Psychological Situation // *European Journal of Personality*, 29, 363–381.
- Salgado J., Clegg J. W. (2011). Dialogism and the psyche: Bakhtin and contemporary psychology // *Culture & Psychology*, 17 (4), 421–440.
- Schmidt F.L., Oh I.-S. (2016). The Crisis of Confidence in Research Findings in Psychology: Is Lack of Replication the Real Problem? Or Is It Something Else? // *Archives of Scientific Psychology*, 4, 32–37.
- Shotter J. (2001). Toward a third revolution in psychology: from inner mental representations to dialogically structured social practices // Jerome Bruner: Language, Culture, Self / D. Bakhurst & S. G. Shanker (Eds.). P. 167–183.
- Simão L. M. (2005). Bildung, Culture and Self // *Theory & Psychology*, 15(4), 549–574.
- Smythe W. E., McKenzie S. A. (2010). A vision of dialogical pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*, 28 (2), 227–234.
- Spellman B. (2015). A Short (Personal) Future History of Revolution 2.0 // *Perspectives on Psychological Science*, 10 (6), 886–899.
- Sripada C., Kessler D., Jonides J. (2016). Sifting Signal From Noise With Replication Science // *Perspectives on Psychological Science*, 11(4), 576–578.
- Sternberg R. (2017). Mountain Climbing in the Dark: Introduction to the Special Symposium on the Future Direction of Psychological Science // *Perspectives on Psychological Science*, 12 (4), 649–651.
- Toomela A. (2007). Culture of science: Strange history of the methodological thinking in psychology // *IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science*, 41(1), 6–20.
- Turner J. (1990). The misuse and use of meta-theory // *Sociological Forum*, Vol. 5 (1). P. 37–53.
- Valsiner J. (2007). Becoming Integrative in Science: Re-building Contemporary Psychology through Interdisciplinary and International Collaboration // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 41, 1–5.
- Valsiner J. (2009). Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 43, 1–21.
- Valsiner J. (2014a). An Invitation to Cultural Psychology. NY: SAGE Publications.
- Valsiner J. (2014b). Needed for cultural psychology: Methodology in a new key // *Culture & Psychology*, 20 (1), 3–30.
- Valsiner J, Molenaar C. M., Lyra M., Chaudhary N. (Eds.) (2009). *Dynamic Process Methodology in the Social and Developmental Sciences*. NY.: Springer-Verlag.
- van Geert P. (1997). Que Sera, Sera: Determinism and Nonlinear Dunemic Model Building in Development // A. Fogel, C. D. P. Lyra, J. Valsiner (Eds.) *Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes*. NY.: Psychology Press. P. 13–38.
- Wallis S. E. (2010). Toward a Science of Metatheory // *Integral Review: A Transdisciplinary*

and Transcultural Journal For New Thought, Research, and Praxis. Vol. 6 № 3. P. 73–115

Watanabe T. (2010). Metascientific foundations for pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*, 28 (2), 253–262.

Weinstein N., Przybylski A. K., Ryan R. M. (2013). The Integrative Process: New Research and Future Directions // *Current Directions in Psychological Science*, 22 (1), 69–74.

Wertheimer M. (1912). Experimentelle Studien über das Sehen von Bewegung // *Zeitschrift für Psychologie*, 61 (1), 161–265.

Witherington D. (2007). The Dynamic Systems Approach as Metatheory for Developmental Psychology // *Human Development*, 50, 127–153.

Yanchuk V. (2014). Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Perspective of Intercultural Mutual Understanding Comprehension Deepening // *Open Journal of Social Sciences*. Vol. 2, 178–191.

Yanchuk V. (2016). Sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration // *International Journal of Psychology*, 51, p. 438.